

ДИСКУССИЯ

УДК 821.161.1
ГРНТИ 17.01.07
DOI 10.35231/25419803_2021_2_168

В. А. Гавриков

Будущее литературы

Текст представляет собой доклад, прочитанный на пленарном заседании международной научной конференции "Пушкинские чтения" в июне 2021 года.

В докладе было проанализировано состояние современной отечественной литературы и намечены перспективы ее дальнейшего развития, связанные с альтернативными форматами представления литературного текста. Автор выявил четыре базовых носителя литературного текста: традиционный бумажный формат, видеозапись, цифровой контент и аудиозапись.

Автор считает, что происходит смещение от традиционного бумажного носителя к медийным форматам существования словесного текста. Эти форматы ведут к необратимым изменениям в содержании литературы.

Ключевые слова: современная литература, художественная словесность, текст, формат представления текста.

Vitaly Gavrikov

The Future of Literature

The article is a report read at the plenary session of the international scientific conference "Pushkin Readings" in June 2021.

The report analyzed the state of modern domestic literature and outlined the prospects for its further development associated with alternative formats for presenting the literary text. The author identified four basic carriers of literary text: traditional paper format, video recording, digital content and audio recording.

The author believes that there is a shift from the traditional paper medium to the media formats of the existence of the verbal text. These formats lead to irreversible changes in the content of literature.

Key words: modern literature, fiction, text, text presentation format.

Существует два больших понятия – художественная литература и художественная словесность. Второе понятие поглощает первое, потому что литература в узком ее понимании, согласно определению литературоведа В. И. Тюпы, это жизнь человеческого сознания в формах художественного письма. Художественная словесность не является только письменным текстом, все большее значение приобретает звук – акустическая манифестация художественного произведения. Акцент смещается от традиционного бумажного носителя к альтернативным видам представления и литературного текста, и текста художественной словесности.

В первую очередь, это касается серийной словесности, в которую я включаю песенную поэзию, видеопэзию, неомодернистские форматы представления художественного текста вплоть до авторских моноспектаклей (например, театр Е. Гришковца). Серийность подразумевает множественную, как правило сценическую, воспроизводимость произведения, а также смещение к синтезу слова со звуком и картинкой, то есть смещение к интермедиальности, когда литературный текст испытывает влияние других субтекстов.

Серийность ведет к большим сдвигам в представлении литературоведа о художественном тексте. Скажу лишь об одном сдвиге, который можно назвать «оминимией текстов», когда текст по отношению к самому же себе становится омонимом. Этот процесс можно также назвать реинтерпретацией. Это, например, происходит в песенной поэзии, когда песня в целом звучит одинаково, однако за счет контекста, мелких переделок внутри текста, за счет изменения творческой манеры автора, за счет манеры произношения субтекстов кардинально меняет свой смысл. Это происходит, кстати, не только в песенной поэзии с ее обязательной циклизированностью (почти каждое исполнение вписано в цикл), но и, например, в моноспектаклях Гришковца, у которого новые прочтения прецедентного текста (спектакль "Как я съел собаку") возникают в чередě исполнительско-интерпретаторских прочтений. Здесь порой нет канонического варианта – а лишь приспособление произведения к сиюминутному контексту, к другим произведениям цикла, к новым творческим установкам... То есть традиционное понимание произведения очень сильно изменяется за счет появления медийных форматов существования словесного текста.

Визуализация является перспективным направлением развития художественной словесности и гуманитарной сферы вообще. Это общекультурная тенденция – без визуализации теперь, как правило, не обходится научное общение, презентация, представление журналистских материалов в сети.

Какие же носители могут быть у современного художественного текста? Таких базовых носителей четыре: видеозапись, цифровой контент и аудиозапись плюс еще традиционный бумажный формат. Исходя из этого, мы и видим смещение художественного текста в сторону медийности, акционности, серийности. Книжки все меньше читают, современный человек все больше времени проводит в Интернете. Очень распространенным становится формат аудиотекста, аудиокнижки в силу ее доступности. Смещения от чтения с листа к аудиоформату очевидно. Некоторые авторы уже отказываются издавать свои книжки в печатном формате и предпочитают представлять их в виде аудиокнижек. Эта тенденция, наверное, будет только нарастать.

Появляются цифровые компьютерные «читалки» – специальные гаджеты, расширяется количество технических средств для чтения с экрана, то есть литература все больше становится цифровой. Сегодня любой человек может разместить свое художественное или квазихудожественное творение для всеобщего обозрения в Интернете. В итоге ростки художественных текстов заглушает терние китча. Графоманы порой очень энергичны в продвижении своих творений. Талантливые авторы пишут «в стол», а бездарности, напористо продвигая свои творения, во многом формируют читательскую повестку.

Россия когда-то считалась самой читающей страной. Сейчас мы можем себя назвать самой пишущей страной. Петербургский писатель Лев Наумов как-то сказал, что в России сегодня больше писателей, чем читателей. Наблюдается очень интересная тенденция – смерть читателя, рождение писателя. Бартовский парадокс наоборот. Приведу несколько цифр, которые меня в свое время поразили. На порталах Проза.ру, Стихи.ру размещены десятки миллионов произведений, количество авторов доходит до нескольких миллионов среди зарегистрированных пользователей. В этом огромном море текстов качественные произведения безвозвратно тонут. Чтобы получить комментарии, лайки, просмотры, а в результате доход, некоторые авторы идут на разнообразные ухищрения, разжигают скандалы, лишь бы привлечь внимание к себе. Они попали в струю, они известны, у них сотни тысяч подписчиков и они решают, какой литературе быть.

Некоторые графоманы к тому же неплохо продают свои тексты в интернете. Каждый может выставить свое произведение и назначить цену за его прочтение на специализированных сайтах, например, на русскоязычной площадке, которая называется «Автор. Today». В одном из сетевых интервью известный писатель-фантаст Олег Дивов рассказал интересную историю о том, как крупное издательство, кажется, «Эксмо», выходило на популярных сетевых авторов с предложением материализовать их продаваемый в сети контент

в традиционные бумажные книги. Сотрудничество в итоге не состоялось, потому что авторы с популярных порталов могут получать гораздо больший доход, чем гонорары, предлагаемые издательствами. К тому же для издательства роман надо доработать, а невзыскательный читатель проглотит любой текст из любимой серии. Романы ведь тоже становятся серийными – с вечными продолжениями историй о полюбившихся и, соответственно, продаваемых героях.

Не так обстоят дела в высокой литературе. В одном из последних интервью Андрей Битов признался, что не может зарабатывать литературным трудом. Гонорары, как уже сказано, смехотворны. Одна из очень известных фигур современной русской литературы призналась, что ее гонорар за недавно изданную книгу составил 80.000 рублей. Ладно, если ты можешь выдавать в месяц по книге. А если год писал?

У китчевых авторов нет необходимости, а значит, и стремления сделать свой текст лучше, потому что, если они станут писать хорошо, их перестанут читать. Они должны писать так, как этого требует читательская масса. К чему это приводит? К тому, что, когда мы приходим в книжный магазин, – а там есть стол актуальных новинок, стол самого читаемого и продаваемого, – там мы встретим хорошую беллетристику, может быть, даже вещи, которые через 50 лет станут классикой, а рядом с ними лежат творения с художественной точки зрения абсолютно беспомощные, это даже не граф Хвостов. Неискушенному читателю очень трудно понять, кого брать – Водолазкина, Толстую, Улицкую или популярный китч. Таким образом, смешение высокого и низкого, художественного и нехудожественного, ложного и истинного будет только нарастать. Все двигает рубль.

Толстые журналы уже не выполняют ту функцию, которую они выполняли ещё 30 лет назад. Критика тоже по большей части безмолвствует, да и голос ее, если он прорезается, далеко не всегда доходит до массового читателя. Есть несколько известных критиков, которые пытаются формировать читательский спрос, но тем не менее и они мало что могут противопоставить тем мощным тенденциям, которые были охарактеризованы выше.

Издательства тоже скованы рублем. Они не формируют вкус, не подтягивают читателя в его художественных пристрастиях, не пытаются обучить читателя, а идут у него на поводу, потому что издательства интересуют выгода. Если условный Иван Иванов, который пишет безобразно, смог найти своего читателя, значит, его будут издавать. Речь во многих случаях идет либо о ка-

кой-то случайности, когда графоман попал в сиюминутный читательский запрос на какую-то тему, либо речь идет о графомане, который смог организовать хорошую рекламную кампанию для продвижения своего продукта.

Считается, что сейчас пришло поколение с клиповым мышлением. Оно не может грызть твердую интеллектуальную пищу, читать большие тексты. Таким произведениям особенно трудно добраться до читателя. Бывают, конечно, исключения, например, роман Мариам Петросян «Дом, в котором...» — тысяча страниц. Но сегодня уже 100–120 страниц текста считается полноценным романом. Многие талантливые авторы вынуждены издаваться даже за свои деньги или в каких-то маленьких издательствах. Тираж в тысячу экземпляров считается уже нормальным для романа.

Умирает критик в том понимании, в котором мы знали его еще 2–3 десятилетия назад. Критика заменяет книжный блогер. Что же это за тип? Это человек, который может интересно рассказать о книгах. Но интересно — не значит качественно. Среди книжных блогеров есть напористые обаятельные люди, которые говорят увлекательно, но качество словесного текста, который они предлагают читателю, качество анализа, часто не выдерживает критики. Есть люди, отшлифованные академическим образованием, но не всегда понимающие то, о чем они говорят. Тем не менее, у них десятки и даже сотни тысяч подписчиков. И эти блогеры, часто непрофессионалы, но умеющие красиво подать свои мысли, тоже формируют читательскую повестку. С ними работают издательства, через них продвигают книги, с ними работают авторы, которые оплачивают эту рекламную "критику" ("я тебе плачу - ты меня хвали").

В этой ситуации, пожалуй, единственным барометром, который указывает нам на качественную современную литературу, остаются премии. Повторю, что «толстые» журналы во многом себя исчерпали и их ждет смерть — некоторые, как мы знаем, уже действительно прекратили свое существование. Но они могут и приспособиться к ситуации, если только сумеют переформатироваться. Изменение концепции толстого журнала интересно проследить в связи с развитием журнала «Вопросы литературы». Сегодня это не просто журнал, а некая медийная площадка. Редакция проводит различные семинары, конкурсы, встречи, постоянные микроконференции. Общение происходит также в формате офлайн. Мне кажется, за этим будущее: в центре стоит литературоведческий «толстый» журнал, вокруг него создается разветвленная инфраструктура, в том числе и финансовая, которая поддерживает существование всего проекта.

Итак, книжный блогер — это современный критик, который во многом тоже формирует повестку дня. И с ним могут соперничать только книжные

премии. Мы знаем, что на обложках книг об авторе часто пишут: лауреат такой-то премии. По сути, это единственный знак качества, который у нас сейчас остался. В жюри премий входят авторитетные литературоведы, известные критики, писатели. Премиям приходится доверять, потому что нет альтернативы. Можно не соглашаться с тем или иным выбором, но тем не менее крупнейшие литературные премии позволяют формировать читательскую повестку.

Есть, конечно, академический взгляд на современную литературу. Это ученые, которые изучают то или иное произведение современности, но пока не знаю, насколько этот академический взгляд будет востребован широким читателем. Сейчас, мне кажется, он не востребован. А пока литература идет за читателем, ориентируется на популярные форматы, востребованные современным сознанием. Литература становится все более развлекательной, если так можно выразиться, все более "беллетристичной". Происходит смешение стилей, жанров, направлений. Поднимают голову "жанры", считающиеся низкими: детектив, фантастика, фэнтези. Чуть ли не каждый второй премиальный роман имеет элемент мистицизма. Будущее за триллером, за напряженным сюжетом, быстрым развитием действия.

Будущее за новыми форматами литературного текста.

Будущее за более короткой прозой.

Будущее за облегченной литературой, за беллетристикой.

Сложная (орнаментальная, стилистически изощренная, философская и т.д.) проза остается уделом академической среды, узкого круга специалистов. Но как представителям академической среды найти этих талантливых сложных авторов – это отдельный вопрос.